

ПРОЛОГ

Лунный свет омывал тронный зал Штормграда, отчего королевский трон из белого камня как будто лучился собственным сиянием, а золотые львы, сидящие у его подножья, превратились в серебряных бестий с мертвенным взглядом. Холодноватый молочный свет блистал на гранях разведенного по стенам оружия, а тени по углам, куда не дотягивались бледные пальцы луны, казались озерцами непроглядного мрака. В этом нездешнем сиянии человек с богатым воображением вполне мог представить, что декоративные доспехи, замершие, как часовые, были не столь уж пусты.

Торжество луны нарушал свет единственной лампы, отбрасывающей теплые, красноватые блики на решительное лицо мальчишки. Он держал в руках две вырезанных из дерева игрушки. Первая была солдатом, облаченным в разрисованную версию доспехов, темневших по всему безмолвному залу. Вторая — ссугутившейся тва-

рью: зеленой, с кабаньими клыками и топором в половину роста ее деревянного противника.

По полу были разбросаны другие солдаты и монстры. Большая часть игрушечных чудищ все еще стояла. Большая часть солдат была повержена.

Когда открылась дверь, в комнате стало светлее. Мальчик обернулся, недовольный тем, что ему помешали, и окинул вошедшего быстрым сердитым взглядом, прежде чем вернуться к своей игре.

— Итак, — произнес новоприбывший. Голос его звучал довольно молодо. — Вот где вы прячетесь.

«Принц не прячется, — подумал мальчишка. — Он идет, куда пожелает, когда хочет побывать один. Это никакие не прятки».

Человек подошел к нему. В тусклом свете лампы его волосы не казались столь седыми, а шрам, рассекающий лицо от подбородка до глаза, — столь уродливым, как при дневном свете. Он опустил взгляд на сцену, разыгранную мальчиком.

— Как продвигается сражение?

«Как будто он не видит. Как будто не помнит».

Поначалу мальчишка молча глядел на маленькие зеленые фигурки, а потом сердито сказал:

— Каждый орк заслуживает смерти. Когда я стану королем, я буду как Лотар, и перебью их всех!

— Лотар — солдат, — без тени гнева ответил мужчина. — Он сражается, поскольку в этом стоит его долг. А вы будете королем. Ваш долг будет состоять в том, чтобы заключить справедливый мир. Разве вы не считаете, что с нас хватит войн?

Мальчик ничего не ответил. «Справедливый мир». «Хватит войн».

Невозможно.

— Я ненавижу их! — прокричал он.

Его голос, слишком громкий для тишины зала, опасно зазвенел. Глаза обожгли внезапные слезы.

— Я знаю, — спокойно ответил мужчина.

То, что он не стал осуждать вспышку мальчика, слегка остудило его юного собеседника.

— Но война — не всегда верное решение. Вам следует понять, что не все орки — зло, даже если кажется именно так.

Мальчишка нахмурился и окинул мужчину скептическим взглядом. Кадгар был очень мудр, но то, о чем он говорил, казалось принцу невероятным.

— Вам известно, — продолжил Кадгар, — что орки пришли из другого мира, который очень далек от нашего.

Подняв руку, он пошевелил пальцами, и на его ладони возник красновато-оранжевый шар. Теперь мальчишка смотрел с интересом. Ему нравилось наблюдать, как Кадгар творит свое волшебство. Шар начал вращаться, окруженный потрескивающим зеленоватым ореолом энергии.

— Их мир умирал, — продолжил Кадгар. — Он был поглощен темной магией, известной как Скверна.

Глаза принца расширились, когда странное изумрудное мерцание начало поглощать коричневый, словно покрытый пылью мир.

— Орки вынуждены были бежать. Если бы они остались... то тоже погибли бы.

Принцу было вовсе не жаль орков и их умирающий мир. Он крепче стиснул в пальцах фи́гурку игрушечного орка.

— Значит, эти зеленые чудища вторглись в наш мир!

— Не все орки были зелеными, когда пришли в Азерот. Но вы об этом не знали.

Принц предпочел промолчать, чтобы не сознаваться в своем невежестве, но сейчас его охватило любопытство.

— Лишь те из них, кто был отправлен Скверной, — продолжил свой рассказ Кадгар. — Она изменила их. Но однажды мы встретили орка, сумевшего ей противостоять. Того, кому почти удалось навеки остановить войну. Его звали... Дуротаном.

В Воздушных Палатах не было нужды в окнах. Как и подразумевалось из названия, это были чертоги Воздуха — состоявшие из него и в нем располагавшиеся.

Чужаки могли изумляться этому зрелищу, восхищаться его красотой и одновременно ужасаться, и недоумевать, как Совет Шести мог заседать здесь, не беспокоясь о собственной безопасности. Но чужаки никогда не проникали сюда и не проникнут вовеки — сюда, в Аметистовую Цитадель Кирин-Тора.

Как и сама магия, зал предназначался лишь для самих магов.

Голубое небо и белые облака, служившие потолком и стенами, оттеняли золото и пурпур каменного пола. Кроме того, на полу был выложен символ — стилизованное, пристально глядящее

око. Мальчик, ступивший в зал и сейчас стоявший в его центре, подумал, что сегодня этот символ особенно уместен.

Ему было одиннадцать. Не слишком высокого роста, с каштановыми волосами и глазами, менявшими цвет от синего до зеленого в зависимости от освещения. И все же именно на этом мальчике в белой тунике сейчас было сосредоточено внимание всех членов Совета Кирин-Тора.

Они стояли намного выше, на круговой платформе, и были облачены в фиолетовые мантии с вышитым символом — тем самым Оком, что глядело сейчас с пола. И члены Совета, и Очи, вышитые на их облачениях, смотрели на ребенка сверху вниз, как сам бы он мог свысока смотреть на насекомое. Однако мальчика не смущало их внимание. Скорее, он испытывал любопытство, и, заломив бровь, смело глядел на магов.

Один из членов Совета — высокий, тощий старик с бородой, белой, как сама магия, текущая по стенам этой башни, встретился с мальчиком взглядом и чуть заметно кивнул ему. Затем он заговорил, и его звучный голос властно разнесся по всему огромному залу.

— Существует теория, согласно которой каждая звезда в небе — это отдельный мир, — прогласил архимаг Антонидас. — И каждый из этих миров населен собственными обитателями. Что скажет на это наш послушник?

Послушник не замедлил с ответом.

— Ни один мир не сравнится с Азеротом, — сказал он. — Красота Азерота, его жизненная мощь и изобилие уникальны.

— И кому же можно доверить заботу о подобном сокровище?

— Тому, кто может призвать силы магии для охраны нашего мира. Стражу.

— Понятно.

По тонким губам Антонидаса скользнул легчайший намек на улыбку. Послушник задался вопросом: не стоило ли сменить тон на чуть более смиренный? Но, будем честными, он заучил все это давным-давно.

— Все силы? — продолжил Антонидас.

— Нет, — быстро отозвался послушник. — Темные силы запретны. Темные силы — зеркало Скверны.

Он понял, что бубнит, как по писаному, и сильно прикусил губу. Будет плохо, если маги решат, что он не воспринимает прочитанное всерьез.

— Темные силы, — повторил он, на сей раз более торжественно, — извращают изначальные цели того, кто к ним прибегает.

— И какой же урок мы извлекаем из этого?

— Магия опасна, и ее не следует доверять тем, кто не прошел соответствующего обучения. Никакие расы — ни люди, ни дворфы, ни гномы, ни эльфы — никто, кроме посвященных Кирин-Тора, не должен использовать магию.

«Все это только для нас, — подумал послушник, наблюдая за тем, как поток серебристо-белой жидкости вьется вдоль стен и потолка Воздушного зала. — Не потому, что мы жадные, а потому, что знаем, как с этим обращаться».

Мальчик внимательно взглянул на Антонидаса и заметил, что плечи архимага расслабились. Они покончили с первой частью, и он нигде не напортачил. Хорошо.

Престарелый маг чуть улыбнулся, милостиво глядя на послушника.

— Мы чувствуем твою силу, Медив, — сказал он. — Мы восхищаемся твоей целеустремленностью и жаждой знаний. И мы испытываем и проверяем эти качества, насколько возможно — но, к сожалению, ответа на самый главный вопрос мы не получим, пока не будет уже слишком поздно.

Медив напрягся. Слишком поздно? О чём говорил Антонидас?

— Жизнь Стража требует таких жертв, каких ты себе и представить не можешь. Однако мы просим сейчас — тебя, мальчика — навеки принять на себя эту ношу.

Глаза архимага сузились, а в голосе прорезались жесткие нотки.

«Ну вот, началось», — подумал Медив.

— Готов ли ты начать всестороннюю подготовку к тому дню, когда ты станешь владыкой Каражана?

— Готов, — без колебаний ответил послушник.

— Тогда докажи это!

Это существо было порождено тенями, недоступными магии Света. Из осколка тьмы оно быстро превратилось в материальное, черное, как ночь, искаженное нечто, возвышавшееся над мальчиком. Медив инстинктивно принял боевую стойку — реакция, которую в него вбивали так долго, что мальчик немедленно начал действовать, пускай его и застали врасплох. Тварь распахнула пасть, усаженную клыками длиной с предплечье Медива, и издала серию звуков, от которых у него свело живот. Пока существо нависало над ним, мальчик заметил, что у пришельца нет ни истинной глубины, ни четких очертаний,

что делало его еще более пугающим. Это была тварь из кошмаров, и ее призрачные лапы венчали бритвенно-острые когти.

«Ни истинной глубины, ни четких очертаний».

Тварь не была реальной. Конечно же, она не была реальной! Медив решился окинуть зал быстрым взглядом — и вот, конечно же! Маг Финден что-то торопливо шептал в свою густую, кутистую белую бороду. Мальчик едва не ухмыльнулся.

Он поднял руку. В его ладони сгустился шар из светящейся белой энергии, и Медив швырнул его — прямиком в Финдена. Белый шар превратился в небольшой плоский прямоугольник, с такой силой прилипший ко рту Финдена, что старший маг покачнулся. Товарищи подхватили его, так что урон был нанесен разве что чрезмерно раздутой гордыне волшебника.

Призрачная тварь исчезла. Медив поднял взгляд на Антонидаса, позволив себе чуть заметную усмешку. Когда их взгляды встретились, в глазах архимага плясали веселые искорки.

— Это не совсем то, чего я ожидал, — признал архимаг, — но... достаточно эффективно.

Пол под ногами Медива зашевелился. Мальчик в испуге отскочил назад, изумленно глядя на то, как мозаичный зрачок Ока Кирин-Тора начал расширяться, словно настоящий. Медив зачарованно замер, когда из отверстия полился поток кипящей, пузырящейся воды — а затем громко ахнул, внезапно осознав, что принятая им поначалу за воду жидкость на самом деле была белым пламенем. Невероятно, но этот огонь пылал в водяных глубинах.

Вверху Антонидас пробормотал заклинание и, мягко спланировав с круговой платформы, встал рядом со своим учеником. Он улыбнулся — как показалось мальчику, с гордостью.

— Дай мне руку, Медив, — сказал Антонидас.

Мальчик молча подчинился, положив маленькую бледную ладошку на сухую, как бумага, ладонь своего наставника. Архимаг перевернул его руку ладонью вверх.

— Придет тот день, когда тебя призовут на службу.

Взгляд Медива метался между морщинистым, серьезным лицом Антонидаса и белым пламенем.

— Клятва, что ты приносишь, откована в Свете, — продолжал маг.

Одной рукой он все еще сжимал ладонь Медива, а другой, удивительно споро для своих лет, закатал белый рукав мальчика до локтя. Затем Антонидас мягко развернул послушника к пламени, горевшему в глубинах бассейна. Мальчик вздрогнул — неестественный, хотя и прекрасный белый огонь оказался горячее, чем он ожидал. Его взгляд упал на протянутую руку, и в желудке засосало — холодный комок перед лицом невозможного жара.

— Никто из магов не возвысится над тобой — ни один не будет тебе хозяином. Твоя ответственность будет абсолютной.

Антонидас отпустил руку Медива и начал подталкивать его вперед. Глаза мальчика расширились, дыхание убыстрилось. Что бы ни произошло, он знал, что это его не убьет. Члены Совета не станут его убивать.